

ТАЛЕЙДОСКОП

Ина Голдин

ИГРА В КЛАССИКИ
НА НЕЗНАКОМЫХ ПЛАНЕТАХ

FANTAVERSUM

Талейдоскоп

Ина Голдин

**Игра в классики
на незнакомых
планетах**

Москва
«Фантаверсум»
2013

УДК 821.161.1-822
ББК 84 (2Рос=Рус) 6-445
Г60

Талейдоскоп

Серия основана в 2012 г.

Г60 **Голдин И.**

Игра в классики на незнакомых планетах / Ина
Голдин; илл. на обложке Л. Щупак (Vesea);
дизайн серии Н. Караванова. —
М.: Фантаверсум, 2013. — 320 с. — (Талейдоскоп). —
ISBN 978-5-905360-19-0

Ина Голдин интересна не столько тем, что она много лет назад уехала из России и живет в Париже, и не тем, что она профессиональный лингвист (хотя и это тоже представляется любопытным: особенности жизни, окружение, род занятий всегда оказывают влияние на творчество писателя). А интересна она в первую очередь глубиной и вдумчивостью своих текстов — о чем бы ни писала. Мы предлагаем вам почитать ее рассказы — и тоже задуматься.

УДК 821.161.1-822
ББК 84 (2Рос=Рус) 6-445

ISBN 978-5-905360-19-0

© ООО «Фантаверсум», 2013
© Караванова Н., дизайн серии, 2012
© Голдин И., тексты рассказов, 2005-2013

Исповедь

невозвращенца

Герои Ины Годдин чаще всего уезжают, чтобы никогда не вернуться. Или же возвращаются — но только затем, чтобы понять: возвращение невозможно. Тут можно вспомнить Гераклита с его рекой, в которую не войдешь дважды, потому что и мы с вами, и река каждый миг меняемся, превращаемся во что-то новое, фактически — умираем, чтобы жить дальше (совсем как инопланетяне из рассказа «В последний час, в последний пляс»: «Чем меньше мы живем, тем мы бессмертней...»). Можно вспомнить о том, что сама Ина в 2007 году эмигрировала из родного Екатеринбурга (ну или «Города Е») в Париж. Можно вспомнить и вечную любовь Ины — Ирландию, чьи жители рассредоточились по всему свету. *«Мы — ирландцы. Мы всегда уезжаем». Нет, неверно, поправила себя Шивон. Мы земляне. Мы всегда уезжаем. И всегда тоскуем по оставленному, но все наши книги, отчеты, учебники, вся записанная мудрость — один большой путевой дневник.*

Невозвращение — это вектор. Движение из прошлого в будущее. Путь. Иногда — попытка спрятаться в другой реальности (как спасаются от верной гибели еврейские дети в «Перспективе»), в междумирье (как это удалось «Тому, кто смотрит за указателями»), в ином времени (куда проваливается Стась в «Долгой ночи»), в недрах памяти (как уходит в лабиринт воспоминаний Сабин в «Городе Е»), в мире мертвых (где оказывается герой «Журавлика»), в мире фэйри (как предлагают духи ирландскому врачу в «Был я устал и одинок»). Иногда — попытка спастись от не любви семьи (как прячутся дети в «Я иду искать») или страны (как улетает из России героиня «Летной погоды», оставляя то единственное, что важно).

Уйти под радар. Забыть, уснуть и видеть сны, как Гамлет «В ожидании Фортинбраса», как обитатели «Садов вдохновения», живущие в мире «непрочном, собранном из обрывков чужих мыслей, чужих слов, перепутанных деталей». И это всег-

да моральный выбор: уйти нельзя остаться. Выбор, который не оставит тебя в покое. *Что вам дала эмиграция? Лишний кусок хлеба, возможность спасти свою шкуру? И что — это стоит предательства? Стоит того, чтобы оставить своих друзей, своего воспитанника, свою родину?* Как пел Вячеслав Бутусов в стране, уже сгнувшейся в прошлом: «И остаться нельзя, и уйти невозможно...»

Ина Голдин умеет очень многое — куда больше, чем средне-статистический, замкнувшийся в НФ или фэнтези, в неумных звездных войнах или псевдофилософской невнятице фантаст. В этом сборнике представлены среди прочего три отменных детектива, причем очень разных. «Клиника доктора Х» — детектив лингвистический, о реальности, где слово материально: вместо полиции тут — корректоры и редакторы, а писатель приравнен к Господу Богу. «Наша кровь» — детектив фэнтезийный, даже вампирский, из цикла об альтернативном мире, где некая Держава объединила народы саравов, эйре и белогорцев. Наконец, «Держитесь подальше от...» — детектив французско-кельтский, с намеком на мистику, но в остальном — вполне реалистичный; так и хочется написать: в главной роли — Жан Рено...

И это только детективы. Наш автор с той же легкостью пишет классическую НФ с лингвистическим уклоном, фэнтези в духе Геймана, поэтические притчи а-ля Брэдли (заметнее всего это в «Садах вдохновения») — и много, много чего еще. Миры, создаваемые Иной Голдин, — это не «отрывок, взгляд и нечто», как бывает сплошь и рядом; у них всегда есть прошлое, а значит, и будущее. Яркий пример — рассказы о Шивон Ни Леоч, космическом лингвисте. С одной стороны — вот вам будущее в полный рост: традукторы, детекторы некорректности, автоматические исповедадьны, пионеры-«зимовщики», братья и сестры ордена Гагарина... С другой — вездесущая Ирландия, которая так или иначе проявляется в любой истории. «Ностальгия межпланетного лингвиста» прежде всего, как ни странно, об Ирландии и о Боге — о том, насколько разные сценарии Он реализует в наблюдаемой Вселенной. Рэй Брэдли, между прочим, считал, что люди найдут Бога, только если устремятся к звездам. Наверняка Шивон с ним согласилась бы. Ее Бог — это движение, познание, путь. Вечные Гераклитовы реки. Вечное невозвращение.

Bienvenue в пространство-время текстов Ины Голдин. Перед вами — фантастический путевой дневник о поиске себя и чего-то большего. Вы гарантированно не вернетесь прежним.

Николай Караев, переводчик и критик

**Ностальгия
межпланетного
лингвиста
(повесть в рассказах)**

Никогда не разговаривай с незнакомыми планетами

...А снится нам трава, трава у дома.

Зеленая, зеленая трава...

«Надоело», — подумала доктор Шивон Ни Леоч.

На учебном ярусе корабля «Джон Гринберг» шел семинар для стажеров.

— И, таким образом, в языке вентийцев мы видим, — она надеялась, что скука не просочилась в голос, — удлинение конечностей, когда речь идет о чем-то неприятном, и, соответственно, укорочение в «дружеских» словах. Так, мы не можем сказать представителю планеты, что мы его друзья, употребив при этом вытянутую конечность... Теперь попробуем...

Астронавты-грамматики тренировались с традукторами — специальной моделью для Венты: растягивающиеся и сокращающиеся трубки. Получалось у стажеров плохо, и они зевали. Их тянуло к родному компьютеру.

Шивон Ни Леоч не любила компьютеры. Они не совершают ошибок. Человеческих, по крайней мере.

Машина может выстроить тончайшую аудиограмму, может подобрать нужное слово, может реконструировать праязык — хотя бы в теории. Но развитие языка — это череда описок, оговорок, косноязычия, его история — это история насилия, и что в этом может понимать машина? Компьютер может заучить язык, может его понять, но он никогда его не почувствует.

Все новейшие методы, все нанонейрокоммуникативные технологии не стоят старого, исчерканного карандашом учебника грамматики. И приходится стоять здесь и объяснять, как

умеет только человек. Надоедает, ей-богу. Вентийский, до синяков избитый пример, первый язык другой цивилизации, по которому составили традуктор. Шесть конечностей, три позиции у каждой, особо не разговоришься. Так ведь и этого они не знают, и будут ошибаться, и рискуют сморозить глупость даже там, где это смерти подобно.

— На сегодня все, — сказала Шивон, когда ее терпение кончилось.

Поднялся гул, как в любой аудитории на перемене.

— Сиобан? — подходили с вопросами. — Профессор Маклауд?

«Ни Леоч. Шивон Ни Леоч, а не Сиобан Маклауд». С доброй руки какого-то англичанина все девушки в ее краях стали «сыновьями». И пусть ее дьявол возьмет, если это — естественное развитие языка. Но компьютер такого не учитывает.

— Идиотизм, — говорит она Лорану позже, в гостиной. — Устраиваем лингвистические экспедиции на другие планеты и не можем нормально произнести имя соседа с нашей же Земли!

Релаксирующая гостиная «под острова» на четвертом ярусе снова зависла. Они сидят в обычной комнате отдыха для техников, где на одной стенке — варварски спроецированные поля Нормандии. Тихо. Слышно, как в стакане с виски холодным цветком распускается лед, едва гудит искусственное солнце. Какой-то живой техник, белая ворона в здешнем железноруком персонале, напевает «Дорогая Клементина...».

— Les Amerloques, — говорит Лоран, затягиваясь настоящей, нездоровой сигарой. — Что ты от них хочешь?

Лоран — второй европеец на корабле, их всего двое среди шумных, вечно молодых американцев с белоснежными оскалами. Иногда они переглядываются — мол, чертовы янки, — и за это она любит Лорана, в конце концов, не чужой, страны их на Земле — через пролив.

— На Зоэ что делать с ними будешь?

— Посидят сначала, — говорит Шивон и глотает виски. — Если все пойдет гладко — выпущу, и пусть транскрибируют все, что движется.

— Засади их парадигмы глаголов писать, — предлагает Лоран. — Пусть помучаются.

— Да какие там глаголы. Ты же видел, что вышло на аудио-пробе.

— Все она тебе покоя не дает, — говорит Лоран.

— Принцип утки. Вот что не дает мне покоя.

Принцип, который нужно было, по всем правилам, оставить на Земле. Насчет того, что языки со сходной структурой должны действовать одинаково в сходной ситуации. И наоборот.

Не знай она, чей это язык, приняла бы за один из европейских. Забытый, непривычный, но — европейский. Мечта лингвиста, просто не верится. Если бы она видела только письменное свидетельство — несколько странных мягких листов с начертан-ными текстами, которые аборигены показали пионерам, решила бы, что им в кои-то веки по-настоящему повезло. Удобный язык, удобный разум, который строит мир так же, как землянин: подлежащее-сказуемое-дополнение.

Если бы не то, что она слышала на записи.

Лоран курит, глядит на китайские тени на стене — поля, церковь, облака.

— Плавает как утка, крикает как утка и выглядит как утка... Но только это не утка. Не могу понять, в чем тут дело.

— Думаешь, здесь пахнет открытием?

Бог его знает, чем здесь пахнет. Так не говорят — вот что сразу пришло ей в голову, когда она прослушала привезенные пионерами записи. Глупо; после того как она десятилетиями приучала себя к полной иррациональности, к тому, что за пределами всего, что человек в силах себе вообразить, ничего похожего на земной язык и быть не может. Что Вавилонская башня — это так, Его невинная шутка по сравнению с тем, что Он сделал с нашими братьями по разуму...

После всего этого ей все равно кажется — так не говорят.

Лоран глядит на нормандские поля.

— Ты скучаешь? — спрашивает она вдруг.

Он не понимает. Делает вид, что не понял.

— Мы так давно там не были, — говорит она.

Это неверно; они когда-то залетали на Землю. Шивон отпустили домой. Но она никогда не узнала бы в смеси железа, стекла и жидкого кристалла то, что было когда-то ее Ирландией. Изумрудный остров. Там и камней-то живых осталось — одни ментигры, отгороженные от туристов силовым полем.

— Знаешь, это ведь первые симптомы, — говорит Лоран.

Она знает. По правилам ей нужно попросить психпомощи. Больничка. Профнепригодность. Но и про Лорана она тоже кое-что знает: как он во время посадки на Берту спросил, какого года вино. На Берте, где вообще нет понятия времени...

Позже она села писать отчет.

На компьютере стояла далекая, домашняя дата. 31 октября. Самайн. Злые духи выходят танцевать под дьяволу вольнку, мертвым ледяным дыханием губят цветы, утром выйдешь в сад — розы и рододендроны сникли, сморщились. Шивон невольно повела плечами, одна в чистом, намертво запертом пространстве. Впору посмеяться над собой — будто призрак дотянется с Земли костлявой рукой, будто вой баньши донесется до потерянного в открытом космосе корабля. «Мы сами тут — дети ночи, — подумала Шивон. — Восход видим только на настенных картинках. Физической условностью отгородились от смерти и проживаем то, что нам не положено».

Хотелось домой. Посидеть на своем берегу — вдалеке из волн поднимается башней высокий камень, они с сестрой его прозвали «домом Мерлина». На маяк поглядеть, который еще в начале века погасили, но, если закрыть глаза, можно припомнить: два красных огня, пауза, еще один. В конце концов так устаешь, что не помогают зеленые поля на экране, хочется сесть на свою землю, холодную, настоящую. Закутавшись в штормовку, забрести прямо в море, в колючие, злые, родные брызги.

Не светит больше маяк Балликасла, не найти кораблю дорогу к дому.

— «Джон Гринберг» Лингвистической комиссии — Межпланетному лингвистическому центру, — начала она. — Тема — язык планеты Z-1. Исполнитель — лингвист второй категории доктор Шивон Ни Леоч. Язык Z-1 классифицирован как подходящий к речевому аппарату землянина и с воспринимаемой землянином грамматической структурой. При ближайшем изучении языка возникают вопросы...

Шивон замолчала. Что теперь им сказать? Отсутствие нормального речевого строя? То, что местные жители говорят, по сути, предложениями? То, что они, кажется, вообще боятся говорить? Ей это не нравилось.

Она могла бы поверить, что у них в принципе нет того, что на Земле называют глаголом и существительным. Если бы не тот источник. На листках язык был красивым. Ее компьютер и тот обрадовался, когда она запустила текст в программу распознавания для традуктора.

А запись показывала существ, говорящих на странной, отрывистой речи, без всякого строя, почти без номинативности.

Получался один вывод — который она официально и отослает в Лингвистический центр: устная речь необратимо ушла от письменной, и этот листок так и останется единственным свидетельством того, как умели они когда-то говорить...

— Ты не знаешь наверняка, — сказал Лоран, — может, это и не их письменность. Скажем, завез кто-нибудь.

Может, и завезли. Только вряд ли кто-то, кроме землян, будет носиться по галактике, искать приюта, как негодные дети, за которыми мать, не выдержав, закрыла дверь.

Все знают, зачем на самом деле нужна Лингвистическая комиссия.

Исследования. Установка контактов с другими цивилизациями. Важнейшая культурная миссия. Как же. Опять они мечутся в поисках города, где улицы вымощены золотом. «Мы — ирландцы. Мы всегда уезжаем». «Нет, неверно, — поправила себя Шивон. — Мы земляне. Мы всегда уезжаем. И всегда тоскуем по оставленному, но все наши книги, отчеты, учебники, вся записанная мудрость — один большой путевой дневник».

Но теперь-то все изменилось. Теперь они ищут Землю. Землю с незаселенными вересковыми пустошами, с неприрученным морем, со старинными домами. Смешно — когда-то, вначале, они думали, что другие планеты станут продолжением Земли. За космическими департаментами. Потом оказалось, что не так уж просто захватить планету. Что у Земли со всем ее самомнением не хватит мощи затеять даже захудалую звездную войну.

Тогда вспомнили о дипломатии. О переводчиках. Пусть летят, находят общий язык.

Уже забывалось все, что было до «Гринберга», память становилась белой и гладкой, как стены ее личного отсека. Не помнилось уже, сколько жизней она провела на корабле, в экипаже, собранном из недоучившихся школяров, неудавшихся ученых и жаждущих драки бойцов. Язык — это власть, говорили ей когда-то. Шивон была одним из первых волонтеров. Она села на корабль с четырнадцатью килограммами багажа.

А вышло из этого: программы для традукторов, глухие стажеры — и мало кто с ними разговаривает..

Перед высадкой на Зоэ начальник службы безопасности проводила инструктаж. У Шивон этот инструктаж был настолько же не первым, насколько не последним, и она только с любопытством смотрела на возбуждение, с которым Марша выкладывала обычные скучные правила. До этого она долго расспрашивала их с Лораном — неужели в самом деле можно будет наладить контакт без традуктора, просто выучив язык?

Неужели на этой планете можно будет жить?

Да, отвечала она Марше, накачанной тридцатилетней деве, которая и на земных-то наречиях изъяснялась с трудом. В ногах уже поселилась дрожь, как в детстве накануне поездки в Дублин. В голове застучала старинная песня:

Вот так я, да сотня со мной
До Америки до чужой..

Пионер Грант казался очень усталым. Он был на «Джей Эф Кей», корабле, открывшем Зоэ, и остался на планете для «поддержания дальнейших контактов». На жаргоне он назывался «зимовщиком» — слово пришло от русских, да так и осталось. «Гринберг» обязали забрать его и отправить на Землю при первой же стыковке.

Зимовщик оказался хмурым, на людей смотрел уже непривычно, как Робинзон.

— Они готовы встретиться с вами, — сказал он в общем зале, — но нужно соблюдать осторожность.

Ночью они сидели в комнате отдыха. У Гранта было слегка опалевшее лицо. Гранта звали Джон. Он вцепился одной рукой в поданную Лораном сигару, другой — в стакан «Телламор Дью», а взглядом — в расстегнутую пуговицу на рубашке Шивон.

— Люди, — говорил он, — настоящие люди.

Шивон не терпелось остаться с ним наедине. Когда все ушли, она вытащила укутанные в пластик снимки с тех белых листков.

— Мне необходимо это знать, — сказала Шивон. — Я не могу понять, что тут не так. Как они разговаривают?

— Они не разговаривают, — ответил Грант.

— Они враждебны?

Зимовщик усмехнулся:

— Нет. Не враждебны. Они — лассан.

Хорошие. Добрые. Мирные. Такое понятие есть в языке любой планеты, найти его — и можно надеяться на сносный прием.

— Это их письменность? — спросила Шивон, подсовывая листки Гранту прямо под нос.

— Их, — сказал Грант. — Только читать это не надо. Оставьте это в покое. Их великая книга. Нечего вам этого касаться.

— Но как же...

— Эти ребята на вашем корабле, — перебил ее пионер. — Я смотрел им в глаза. Они все еще хотят что-то изменить, верно? Я давно не видел таких глаз.

Он поднялся. Сгрэб бутылку — у Шивон не хватило совести возразить.

— О некоторых вещах лучше вообще не говорить, — сказал он. — И, Шивон...

— Что?

Он нажал на кнопку, раздвигающую двери.

— Когда спуститесь туда завтра... Только не думайте, что это — Земля.

Перед тем как покинуть катер, Шивон, как обычно, задержалась у выхода — молилась. С каждой увиденной планетой ее все больше поражало Его могущество. Как глупы люди, не веря в Него, а веря в собственные выдумки, прозванные наукой. Разве самый гениальный ум может хотя бы представить то, что Он создал, просто стряхнув песчинки со Своей руки?

Летала в космос, видела Бога — насмеялись над ней.

Шивон всегда отвечала — да.

Но на этот раз не было благоговения. Не было Его. Была только глухая обида: опять — не то.

«А что тебе то? — спросила себя Шивон. — Надеешься, милочка, что высадишься на пустыре за хибарой мистера Киллани, откуда до дома рукой подать? В больничку...»

И все же чувство обмана осталось. Другие планеты хоть были с ними честными. Там ничего не напоминало о Земле.

А здесь...

Они вышли на поле, широкое, тянущееся до тонкой полоски леса вдали. Шивон еще не определилась со здешним временем суток, но ей казалось, что сейчас — утро, раннее и холодное, утро для отъезда.

И любовь мою тогда

Я оставил навсегда...

Атмосфера была пригодная для дыхания, но до создания трактора шлемы снимать запрещалось. После того случая, когда на Кларе брошенная мимо микрофона фраза «Возвращаемся на корабль» на местном прозвучала как «Перебить их всех»... Слишком красивая история, чтобы быть правдой; однако тот экипаж с

Клары не вернулась. Шивон шлем носила аккуратно, по инструкции.

Они вышли на поле, и под утренним небом все было почти как дома — поле и дальше лес, и на поле росла трава, по крайней мере это выглядело как трава.

Но чем дальше Шивон всматривалась, тем меньше окружающее походило на земное, и обман едва не выбил у нее слезы.

Появились встречающие.

Зояне держались неуверенно рядом с Грантом. Существ было мало, и казалось, что они стесняются. Они могли бы выглядеть как люди; по крайней мере, у них есть голова, и четыре конечности, и даже лица — но Шивон чудилось отчего-то, что гуманоидами они кажутся просто из уважения к приехавшим, что облик их на самом деле совсем иной, вот, если быстро глянуть сбоку, видно другое, страшное, как на картинах голландцев...

— О черт, — донеслось от Марши по внутреннему микрофону. Она смотрела на инопланетян глазами «пчелок» — маленьких летающих камер. — Они и в самом деле похожи на маргышек!

Один из зоян, посмелее, шагнул вперед. Прямо к их команде. А они застыли на чужой поляне, будто игроки в ожидании начального свистка.

Грант представил Шивон и зоянина друг другу. «Тарзан — Джейн», — вспомнила она.

— И, — сказала она, — а. Пиррф.

«Мы. Вы. Рады». Что-то вроде этого.

— Пиррф, — согласился инопланетянин. — Ххати?

«Верх?»

— Ххати, — сказала она. — Ллассан.

Мирные. А на катере Марша только и ждет, чтобы что-то пошло не так.

Они беседовали еще долго, и Шивон поймала себя на том, что едва сдерживает смех. Объясняются, как европейцы, приплывшие первый раз в Америку, — на ломаном «моя твоя не понимай». И ведь не потому, что они языка не знают. А потому, что... инопланетяне сами не говорят на своем языке!

Ну и что это может быть? Катастрофа, уничтожившая все книги? Убившая тех, кто говорил... по-настоящему? Шивон на минуту обвела взглядом поле, лес, какие-то холмы вдали.

Первый контакт. Настолько странный.

Здесь не было городов, а может быть, чужакам города не показывали. Тот — старший, — которому ее представили, подошел к ней. Встал напротив. Шивон одновременно тошнило от страха и трясло от любопытства. Зоянин медленно поднял конечность и дотронулся до ее плеча. Потом взял ее за руку и потянул за собой — к лесу. По дорожке через холмы, которая так знакомо петляла и изгибалась под ногами. Над головой кружили пчелки — там, на катере, у Марши оружие на изготовку. (Это мыто — ллассан?)

Шивон сняла шлем. Лес, легкий ветерок, и все это — через пелену нереальности, будто пикник во сне. Они шли рядом, как два подростка на первом свидании, боясь заговорить.

Потом — будто внутри обвалилось препятствие — Шивон вытащила снимки. Зоянин посмотрел. Перевел взгляд на Шивон.

— Вы, — сказала она. — Слова.

— Слова. — Бойтся он или возвращает ее собственный страх? — Важный. Слова.

— Как? — Она скользнула пальцем по строчкам. И произнесла, надеясь, что прозвучит это правильно: — Как вы это читаете?

Зоянин вздрогнул. На секунду его облик заколыхался, и Шивон смогла разглядеть... а ничего, собственно.

— Слова, — сказал он. — Опасный.

Они уже почти вошли в лес, странные растения пересекали небо над их головами. Зоянин снова поглядел на нее — но в глазах его было только ее отражение.

— Опасный. — Он показал вниз, на землю. — Слушающая, — сказал он. И повторил это слово несколько раз.

А до нее только сейчас дошло, что так на его языке и называется планета. Слушающая. Зоэвирран.

— Слова, — сказал зоянин. — Слушающая. Нельзя. Слова.

— Нет. — Шивон пожала плечами, сознавая, что здесь этот жест может значить совсем другое.

— Вы. — Конечность зоянина потянулась к нагрудному знаку на ее скафандре, символу Лингвистической комиссии. — Опасный. — Он ласково дотронулся до снимков, которые она держала в руке; забрал их у нее — она не знала, как реагировать, — прижал к груди. — Хал лассан.

Зоянин, как ей показалось, вздохнул. А потом из-за спины сказали:

— Шивон. Никак не можете успокоиться?

Она обернулась. У Гранта было серьезное и хмурое лицо, будто с похмелья. Он сказал зоянину несколько отрывистых, несвязных слов — Шивон не поняла. Потом взял ее за руку:

— Идемте.

Они остановились посреди лужайки — приятной, хоть и чужой.

— Чего вы хотите? — спросил Грант. — Нобеля хотите?

— Я имею право знать, — сказала Шивон. — Им, там, все равно... А я хочу понять.

— Никогда, ни одной живой душе не говорите, что вы видели. — Грант медленно проговорил: — Маассах эр ваурин кие.

Все правильно, так и должно быть; трава-есть-зеленая-здесь, нормально построенная — человеческая — фраза. Шивон застыла.

Он показывал ей вниз, на траву. Траву неопределенного, неземного цвета, которая постепенно окрашивалась в зеленый.

Черт побери, это же невозможно.

Откуда он знал этот оттенок — сочный, тем ярче, чем серее над травой небо?

Она невольно отступила, словно под ногами разливалась кровь, а не цвет.

Пионер смотрел на нее поверх чуда.

— Знаю. Я тоже сперва не верил.

Это невозможно, и даже ее ирландское воображение на такое не согласится. Потому что... Потому что был Бог, и у Бога было Слово, и никому, кроме Бога, Слово не досталось. Шивон возвращалась к катеру оглушенная. Хуже всего — это казалось логич-

ным. Планеты подчиняются законам природы, почему бы одной из них не подчиниться законам языка? И тогда любая правильно построенная фраза ведет к преобразению планеты. И жители вынуждены говорить обломками, навсегда запертые за своим «пиджином», боясь сказать что-то лишнее.

И текст этот — не текст, а когда-то давно написанная Библия...

— Ну, выяснила что-нибудь? — встретил ее Лоран.

Она пробормотала что-то неудобоваримое.

Но ведь так не должно быть. Где же Бог? Он дал им Слово. Дал способность творить. На Него это абсолютно не похоже. Бог — трус, Шивон знала это еще в католической школе. Он трус, он не любит, когда люди пытаются создавать. Он ни за что не даст им орудия.

Язык — это власть, говорили ей, когда она была студенткой.

Шивон знала, что все равно это сделает, и наблюдала за собой с научным интересом — сколько она все же продержится?

Продержалась ровно до ночи — когда все утомонились, а снаружи стояла темнота. Слава богу, Марша не догадалась закрыть катер изнутри. Разумеется, это было противозаконно.

Над полем сияли звезды. Под ногами ощущалась трава. Трава, сделанная зеленой одним усилием.

«Этого не может быть, — говорила она себе. — Этого не может быть».

Она стояла посреди поля, собираясь со словами.

— О керрах, — сказала она. «Я лечу». Эту фразу ей удалось выскрести из пока еще совсем чужого языка. — О керрах.

Ее вознесло в воздух.

Шивон задохнулась — даже не от полета, а от сознания, что вот так происходит, как в детских сказках, в стране Нет-И-Не-Будет.

Здесь нет ничего...

Ветер бил ее в лицо, она расправляла руки, поджимала ноги — вверх-вниз, инопланетные американские горки.

Здесь нет ничего невозможного.

«О Господи, — сказала она себе, приземлившись, — это ужасно».

* * *

Следующим утром на катере царил переполох.

— Кто-то их спугнул, — сообщил Лоран. — Уж не ты ли, та рисе¹? Марша рвет и мечет. Кажется, мы переходим к плану «Три М».

— «Три М»?

— «Мочи марсианских маргышек».

Шивон было не до смеха.

Марша стояла у одного из главных экранов и направляла свой отряд:

— Два человека в пятый квадрат... Посылаю вам дополнительно двух «пчел». И будьте осторожны. Поздравляю вас. — Марша повернулась к Шивон. — Они все ушли. В неизвестном направлении. Отказались от контакта.

Шивон молчала.

— Грант тоже исчез. Мы его разыскиваем.

Шивон молчала.

— Что за конфликт у вас с ними произошел?

— У нас не было конфликта.

— Ладно. Никуда не денутся, — сказала шеф службы безопасности. — В любом случае исследование планеты продолжится. Я связывалась с утра с Межпланетным лингвистическим. И с Центром космической разведки. Они дают добро.

К вечеру — по часам экипажа — Гранта так и не нашли. Марша велела всем подтягиваться к катеру. Грант или не Грант, они должны были провести церемонию. Экипаж поднялся на холм недалеко от места посадки. Здесь в земле торчал уже ободранный флаг первопроходцев. Ему отсалютовали «Лучами». С церемониями достали новый — синее со звездами полотнище Объединенной Земли. Запели гимн.

¹ Здесь: моя малышка (*фр.*).

Шивон стояла, вытянувшись по струнке, как все. Стояла и глядела, как сияют новые звезды на свежем полотне.

Потом команда Марши установила другой флаг. Своей страны. На что они имели полное право, поскольку пионеры были американцами.

Они стояли, распрямившись, подняв головы, взгляды устремлены за стяг, дальше, в еще не покоренный космос. Такие красивые. Сильные. Земляне.

Шивон повернулась и пошла прочь.

— Доктор Маклауд? — зазвучало у нее в шлеме. — Куда вы?

Шивон уходила. Дальше и дальше, по траве, которая стала теперь зеленой.

«Маассах эр ваурин кие...»

Зеленая трава; серое море; дом мистера Киллани с покосившейся оградой.

Вначале было Слово...

Так легко изменить этот мир. Стоит всего лишь иметь хорошее произношение и — как раньше говорили на курсах? — навыки разговорного языка... Так легко изменить его — зеленая трава, изогнутые как надо континенты, Нью-Даблин, Нувель-Пари, Нью-Аризона...

Все знают, зачем нужна наша комиссия.

Маяк — красные огни в новом море, и там где-то — свежезеленая Статуя Свободы.

И трупы тех, кто боялся разговаривать с планетой. Так экономно, ни бомб, ни ракет, просто пара слов. Земляне уже давно не боятся творить. Не боятся Бога.

— Вернитесь, доктор Маклауд!

И Слово было у Бога. А теперь оно у них — у нее, у кучки молодых американских бойцов, которых она учила разговаривать. И Его здесь нет. Им придется решать самим. Серое море, сухой, взбитый, как сливки, песок, вдоль волн бегут две девочки, окликают друг друга, хохочут. Вроде бы такое простое решение. «Я знаю,

как сказать “моя сестра жива”, — подумала она. — Я знаю. Неизвестно, что получится, но с экспериментами никогда не знаешь, правда?»

— Я приказываю вам немедленно вернуться на катер!

Встревоженный голос Лорана:

— Siobhán, tu reviens tout de suite, ce n'est plus une blague, tu m'entends¹?

Шивон уходила в лес, который не был по-настоящему лесом, но мог им стать, если приложить определенные языковые усилия. Она сняла шлем, бросила его на землю. Села.

По образу и подобию своему...

Шивон Ни Леоч прислонила руку к глазам и поглядела туда, где остался катер.

Так попомни мой совет,
Ничего для нас здесь нет,
И хочу домой я в добрый старый Дублин...

— И хал ззе кие, — сказала она. — И хал ззеанна кие.
«Нас тут не было. Нас тут нет».

Подул ветер. Пробежал по траве, пробрался по кронам деревьев. Утих.

Никто не разговаривал.

Интерлюдия

Суета творилась на корабле «Джон Гринберг», приписанном к Лингвистической комиссии, хоть каждый и старался скрыть нетерпение пальцев на компьютерных клавишах, дрожание голоса на таких знакомых и давно уже вышедших из употребления топонимах: Париж, Баллинора, Новосибирск...

¹ Шивон, вернись сейчас же, это уже не шутки, слышишь? (фр.)

Корабль «Джон Гринберг» направлялся к Земле.

Списывают на Землю, шутили ветераны. Как рухлядь.

На «Гринберг» переводили тех, кто навсегда возвращался на Землю: отслуживших свое ученых и техников, которым сил уже не хватало обманывать; устаревшее оборудование, еще двадцать земных лет назад бывшее суперсовременным.

«Я бы тоже могла вернуться», — думала Шивон.

Самое время.

В памяти моей очень много светлых дней,
Пролетевших в городке, что был мной так любим,
Где играл я в футбол с ребятней из разных школ
И смеялся сквозь чад и сквозь дым¹.

— Что это? — спросил Лоран.

— Песня, — ответила Шивон.

— Я понимаю, — сказал он. Он и другое, верно, понимал: отчего с приближением к Земле они становятся все более нервными, вспоминают такую вот ерунду вроде старых песен, которые теперь уже не найдешь ни в какой записи. Тянешься к старым воспоминаниям, запыленным, поросшим плесенью.

— Тебе снятся сны? — спросила она Лорана — доктора Дюпре, работы которого разлетелись по всему космосу еще до того, как «Гринберг» начал плавание.

— Вроде того, как мы высаживаемся на Землю — а там ничего нет?

— Ага. Все сожжено. Еще одна мировая война — а мы и не знали. Или что-нибудь похуже...

— Или еще; мы прилетаем, а там все как было, еще до первого полета. В точности. Только мы-то понимаем, что так быть не может...

Лоран знал, что она чувствует. Сейчас он был ей братом; таким же подростком. Ей казалось, что, стоит им прибыть на Землю, как все то время, что они провели в космосе, аннулируется;

¹ Здесь и далее приводятся отрывки из песни Фила Коултера «The Town I Loved so Well» в переводе Ольги Чигиринской.

они снова превратятся в молодых стажеров, со зрочками, расширенными от надежды.

Только когда это было? Теперь ей кажется — сколько она себя помнит, всегда вокруг гудел Космос. Этого гула не слышно в огромных коридорах и кают-компаниях корабля, но стоит выйти на мостик или хотя бы закрыть глаза — и Пространство дышит тебе в лицо.

Она вздохнула:

— А мне все кажется, что я приеду и там все еще будет две Ирландии...

— Две Ирландии? Господи, чего тебе не хватает? Ты еще вспомни эти дикие войны, стены между кварталами, баррикады... что ты мне еще рассказывала? Вертолеты?

— И классики, — пробормотала Шивон.

Белые квадраты со старательно прорисованными цифрами, мелом — на границе двух кварталов.

В промо-версии представлен только первый рассказ данной повести.

Примечание автора

Есть такой журнал — «Юный техник», он устраивал конкурсы фантастических рассказов на Самиздате. И кто-то из организаторов однажды посоветовал: пишите о той профессии, которой вы владеете, — но в космосе. Я тогда была на каком-то курсе иняза и профессию знала единственную — лингвист. Вот лингвист у меня в Пространство и отправился. Не помню, как звали этого доброго человека, организатора, но Шивон родилась именно благодаря ему и с тех пор налетала уже немало парсеков. От автора она получила туманное северо-ирландское прошлое и с трудом читаемое имя. Помню, в каком-то комментарии ее назвали «израильским ученым» — видимо, где Шивон, там и Шимон, и Гивон...

Тот, кто смотрит за указателями

Я наливаю в сифон лимонного сока и добавляю сахар по вкусу. Настоящего сока у меня нет, но концентрата сколько угодно. Бросаю несколько листочков мяты. Кажется, я наконец отучил Джеки ее жрать. А может, он просто наелся. Тщательно все это перемешиваю и наливаю воду.

Свищу.

— Пошли, Джеки.

Джеки отвлекается от интересного дела — он ловил бабочек — и смотрит на меня вопросительно.

— В чем проблема, парень, — говорю я, — уже восемь.

Наш дом стоит на вершине холма. Он белый; посреди неба, и желтых полей, и краснеющего к закату солнца он выглядит как забытый кусок раскраски. А иногда дом похож на маяк — думаю, вечером, когда на всю округу горят только наши окна, он и есть маяк. Мы спускаемся по тропинке к проезжей дороге. Джеки, как обычно, бежит зигзагом, и потом вся шерсть будет в репейнике. Для инвалида он уж слишком хорошо бегают.

Эта дорожка, конечно, не федеральное шоссе, но в сезон работы хватает, да, сэр, не жалуемся.

Так что наша команда — Джеки и я — выходит на обочину, толкая перед собой тележку с лимонадом. Там мы и устраиваемся, пока жара не осела пылью на моем лице и Джекиной шерсти. Не проходит и пяти минут, как он звонко гавкает в летнее утро.

— Ну вот. А говорил — работы не будет...

Здесь очень много тишины. Она набивается в уши. Не полная тишина, конечно, — мошकारа жужжит, птицы голосят, и кузнечики стрекочут — почти как вертолет. Только это все не человеческий шум. Те, кто проезжает, это замечают, но не сразу.

В основном, если замечают, хлопают дверью машины — и долгой. А потом еще долго вытряхивают тишину из ушей.

Но это не все. Некоторые прислушиваются и что-то вспоминают. Может быть, то время, когда все мы были обезьянами, как говорил тот старик, и человеческого шума просто не существовало — потому что не появились еще большие грузовики, и мобильники, и все, что звучит по дороге. А может, они вспоминают рай.

Один так и сказал, выпив кружку лимонада: да у тебя здесь просто рай, мальчик.

А я ему: как же! Вам дотуда ехать и ехать, мистер.

Они уезжают, а голоса их отпечатываются в летней полуденной пыли. Я слышу, что они говорят.

Говорят:

«Что с твоим псом, парень?»

«Поехали отсюда, Сэм. Поехали, я сказала! Мне здесь не нравится».

«Как интересно, это место без пространства и времени. Этот лимонад, который, возможно, так же продавали на дорогах первым поселенцам. Вот ради таких уголков я и путешествую».

«Где твои родители? Есть тут кто-нибудь взрослый?»

Я играю в радио. Раскрываю ладонь, и их слова пляшут, перебывая друг друга, будто кто вертит настройку старого приемника. Раз я сделал себе радио в пустой банке из-под кока-колы: там голоса звучали четче и оставались дольше. Я слушал их перед сном, но потом стало как-то одиноко, и я эту банку выкинул.

Первая машина — маленький «Форд», едет медленно, нащупывает дорогу. За рулем оказалась девчонка. В джинсах и проплетшей футболке, с усталым лицом.

Взяла у меня стакан лимонада и спрашивает:

— Здесь всегда так жарко? Час назад только был дождь и холодно, а теперь...

— Здесь всегда так, — говорю я. — Место такое.

Она смотрит на меня усталым взглядом, и я без слов подливаю ей еще лимонада.

— Как отсюда выехать на шоссе?

— А куда вы едете?

Обычно случайному человеку такого не рассказывают. Я бы точно не стал. Но те, кто останавливается попить, рассказывают всегда. Кажется, это называют «синдромом случайного попутчика». На самом деле — место такое.

— Далеко, — говорит она. — Уж если мне представился шанс сбежать из этого городишки, поверь, я не останавлиюсь, пока не отъеду от него за тысячу миль.

Я смотрю на нее — пока она разглядывает Джеки — и вижу. Там и в самом деле только дождь, и холод, и серость, как ранним ноябрьским утром.

— А он неплохо выкручивается, без лапы-то, — говорит девушка.

Вот это — и еще она не спрашивает про взрослых. Два очка на ее счет. И указатель на Портленд — проезжайте, мэм, путь открыт.

— Сперва прямо, увидите перекресток — там налево...

Я вытягиваюсь во фрунт и козыряю, когда «Форд» плюется пылью из-под капота и двигается дальше.

Не люблю, когда спрашивают о родителях. Я знаю, что всегда жил в непокрашенном доме вверх по холму, вместе с Джеки. Я могу рассказать про вещи, что были всегда: золотые колосья пшеницы, которую никогда не соберут, облупившийся почтовый фургон, лежащий кверху боком в овраге недалеко отсюда.

Я могу рассказать о старой заправке Эда: три безукоризненно красные колонки, неподвижные в желтоватом свете четырех часов пополудни. Таблички с ценами висят, как флаги давно разбитой армии.

Там никого нет.

Через полчаса дорога снова зашуршала. На этот раз — дама в элегантном «Крайслере», в элегантном костюмчике, в шейном платке под цвет машины. Назвала меня «милым мальчиком» и стала охать-ахать на Джеки.

— Знаешь, милый мальчик, я, кажется, заблудилась.

Я насупись, молчу. Сейчас еще попросит взрослых позвать.

Она чуть помялась и продолжает:

— Я решила сделать тут круг на машине. Повспоминать... Мы часто ездили здесь с моим покойным мужем... А теперь вот никак не могу выехать на шоссе.

Я в нее взгляделся — и увидел только асфальт и асфальт, бесконечно убегающий из-под колес.

— А давно умер ваш муж?

Она смутилась — так, будто ее попросили вспомнить таблицу умножения.

— Около десяти лет назад...

По такой дороге можно колесить долго, а потом ненароком свернуть на бензозаправку.

— Поезжайте прямо, до развилки. Там будет поворот на Джексонвилль — увидите, там указатель. Это сельская дорога, но по ней вы выедете на шоссе.

— Спасибо, милый мальчик.

Мне достался доллар, дверь седана хлопнула вежливо, почти неслышно.

Перед самым выездом на Джексонвилль у нее сядет батарея, дамочке придется дожидаться кого-нибудь, чтобы «прикурить». Я видел того, кто придет ей на помощь, мне он вполне нравился — чуть ее постарше, давно разведен, взрослые дети за пол земного шара отсюда. Джентльмен, не из тех, кто бросит даму посреди дороги. А дальше... дальше пусть сами разбираются.

Потом мы с Джеки ждали долго-долго. Успели развернуть наш пикник и запить сухари вечным лимонадом. Я выковыривал застрявшую в зубах мяту и смотрел на горизонт; Джеки улегся в пыль рядом со мной, высунув язык.

Я люблю тех, кто появляется днем. Солнце не обманешь, оно будто просвечивает их насквозь.

Дорога послала мне парочку. Нормальные с виду — бывают такие, что подбегают, и издалека видно, как машина раскалилась от ссоры. А эти ничего — открыли окно, он попросил у меня два стакана, отдал один жене, а потом и второй дал допить.

— Ох... надо было все-таки лететь самолетом. Такая жара... — Особого недовольства в ее голосе не было.

— Да ладно. Теперь я бог знает, когда сюда вернусь...

— Теперь ты такие места будешь на «Сессне» пролетать, — сказала она, и засмеялась, и поглядела на него, ища ответного смеха. Он улыбнулся, но потом вышел из машины, прислонился к дверце и стал смотреть на небо.

— Какое чистое, — сказал он, а потом перевел глаза на меня, а там — будто детская мольба: «Не увозите меня, пожалуйста».

— А куда вы едете?

— Скажи ему, Фил, — велела она из машины, радостно сияя темными очками. Она вообще была радостная. — Мы едем в большой город, в Сан-так-его-Франциско!

— Ладно тебе, Пэм. — Парень улыбнулся. Он казался таким спокойным и уверенным... а в глазах вот такое.

Мама, папа, не хочу уезжать.

Чаще это у детей бывает — им не дают выбирать дорогу. Но чтоб у взрослого...

Только одна вещь может помешать взрослому человеку выбрать путь.

Насколько я знаю, потом он сильно об этом пожалеет.

— Потому что Фил у меня самый лучший, — сообщила женщина.

— Да уж, самый лучший, особенно по части дорожных карт, — усмехнулся парень. — Слушай, дружище, может, ты подскажешь, как отсюда выбраться? Мы вроде ехали по нужной дороге, а потом... — Он развел руками.

— Конечно, подскажу. Это просто, вы ежайте прямо, на развилке вправо, а потом увидите указатель. Там так и написано — Сан-Франциско.

Под ее взглядом парень потянулся за кошельком и вытащил для меня новенькую банкноту. Видно, это входило в его новый образ — успешного дельца из Сан-Франциско, или кого там она видела.

Они уехали, и пшеница заколыхалась им вслед. На дороге, куда они свернут, неожиданно пойдет дождь, потом у них забахалит мотор, потом окажется, что они опять свернули черт-те куда... и так далее, пока она не выскочит из машины, громко хлопнув дверью, и не пойдет пешком — в сторону ближайшего мотеля.

Они помирятся. Потом. Но так у него, по крайней мере, будет время подумать.

Я ведь не всемогущий.

Дорога, по которой едут на бензоколонку Эда, — самая одинокая на свете. Она — плохое место... Люди приезжают на покалеченных машинах, глаза у них очень усталые и будто стеклянные. Эти ничего у меня не берут, только просят показать направление. Джеки от них забивается в пшеницу, поджав хвост, но, сдается мне, они и так не обратили бы на него внимания.

Живые тоже бывают. Я помню одного: он хлебал мой лимонад, будто пил последний раз в жизни. Да так оно, наверное, и было.

— Знаешь, в чем проблема с Богом, сынок? — сказал он. — Он знает все твои слабости. Лучше, чем твои родители, твой сволочной старший брат, даже лучше, чем твоя жена. А ты ведь веришь в Него. Тянешься к Нему. И в этот самый момент Он по твоей самой слабой точке — хрясь! И ты рассыпаешься.

Я пытался представить для него другую дорогу, но, сдается мне, он все равно вырулил на бензоколонку.

Только один раз я сам отправил человека на заправку. Он остановился рядом с моей скамейкой, но пить ничего не стал. Всего только спросил:

— Куда мне ехать?

Я смотрел на него и ничего не мог разглядеть. Там все было залито кровью. Кровь впиталась в него, как в обивку разбившейся машины. Джеки, как увидел, кто едет, заскулил и удрал по тропинке к дому. Он так-то не трус, мой Джеки. Но я тогда впервые почувствовал, что вокруг никого нет — вообще никого за много миль. И даже если рвануть к дому, как Джеки, и укрыться за дверью — дверь можно выломать. Дунет, плюнет, дом и развалится...

Но он спросил, куда ему ехать. Все застыло, как будто даже ветер боялся трогать цветы. Я честно сказал, что не знаю. Пусть едет прямо, до бензозаправки Эда, а там спросит.

Иногда я думаю, что не имел права. Но потом мне кажется, что он не свернул бы с шоссе, если б сам втайне не знал, как правильно.

Больше я потом никого не боялся.

* * *

Кое-кого мы с Джеки видим второй раз. Значит, в первый они свернули не туда. Что ж, и на старуху бывает проруха. Они, останавливаясь здесь, вертят головами, принохиваются, прислушиваются, как пес, почувший чужака. Ну то есть любой пес, кроме Джеки — он чужакам всегда очень рад. Я уже понял: такие бегут от себя. Оттого им и не нравится здесь: куда ни пойдешь, вернешься все равно к себе.

Следующий прибыл на своих двоих. Те, кто пешком, обычно сами знают, куда идут, — иначе зачем бы им тащиться на своих двоих в такую даль? Или же они вообще идут никуда, и тогда не нужен им ни я, ни мои указатели. В лучшем случае — глотнут лимонада, так и четвертака от них дождешься не всегда. Джинсы у них дырявые, за спиной — гитара, на шее — ожерелье из яблочных семечек.

У этого не было ни гитары, ни ожерелья. Он шагал по дороге с таким видом, будто шел так всегда, будто это только его дорога. Джеки даже гавкнул — приревновал малость.

Человек улыбнулся мне и попросил налить лимонаду.

— Это твой дом там, на холме?

Я не знал, зачем он спрашивает. Обычно людей не интересуют ничего, кроме дороги. Я кивнул. Джеки тьякнул и попытался поставить здоровую лапу ему на штанину.

— Что это у него с лапой?

— Знаете, мистер, — говорю, — если б вам отхватили ногу где-нибудь во Вьетнаме, вам было бы сильно приятно, что остальные все время спрашивают — мол, что это у вас такое с ногой? Нет — значит, нет.

Он распрямился. Поглядел сперва на меня, потом на пса. По-моему, с уважением.

— Все, понял. Прости за нескромность. А с чего ты вдруг помянул Вьетнам?

— М-м? — строю дурачка. Со временными пластами здесь бардак сплошной. Трудно уследить за временем там, где его нет. Но человек не стал дальше расспрашивать. Он спросил:

— А далеко здесь заправка?

Тут я выдупился на него. Он не был из тех, кто ищет заправку. И я возьми да измени своему же правилу — сказал ему:

— Вам туда не надо.

Он глянул на меня — будто из-за солнечных очков, только вот очков на нем не было.

— А ты знаешь, куда мне надо?

— Вы пешком, — говорю. Понятно же, что ему не нужен бензин.

— Да я думал, может, поесть там куплю, — сказал парень и потер урчащий живот. И мне просто ничего не оставалось, кроме как пригласить его поужинать.

Ему было, наверное, лет двадцать восемь, а может, и больше — то есть давно взрослый, но не старей. И глаза такие... открытые, так что хочется сделать для него что-нибудь за просто так. Ему бы коммивояжером работать или страховым агентом — а он по дорогам пешком болтается.

А еще в нем было что-то знакомое. Но такое случается с приятными людьми. Тебе кажется, что век их знаешь.

Тут я нарушил второе правило.

Он помог мне довести тележку — хотя сифоны теперь были пустые, и вообще мы прекрасно сами справляемся. Дверь белого дома неприветливо заскрипела, увидев, что пришел чужак. Занавески заколыхались, непонятно где найдя ветер. «Он уйдет», — мысленно сказал я дому. Я уже видел таких — он подкрепится, и уйдет, и не спросит меня куда.

По вечерам у нас очень спокойно. Темнота становится сначала зеленой, потом темно-синей, потом черной. Чуть холодает, и мошकारа звучит громче. Я открыл три банки консервов — для Джеки, для себя и для гостя. Он покосился, но промолчал. Не может же он не понимать, что свежей еды здесь ждать очень-очень долго. Ну и ладно. Хлеба нет, зато сухари хорошие.

И лимонад. Чтоб запить.

В этот раз спокойствие было лучше обычного. Потому что у нас с Джеки появилась компания.

— Сколько тебе лет? — спросил он, намазывая тушенку на сухарь.

— Десять.

— Врешь, — сказал он так просто, что я понял: он знает. Поэтому признался:

— Вру.

Он кивнул, съел несколько сухарей с тушенкой.

— Вообще-то я хочу добраться до Большого каньона. Стопом, естественно. Ты видел Большой каньон?

Я мотнул головой. Ничего я не видел, я же здесь как на приязи, даже приемник давно сдох.

Потом мы вышли смотреть на луну. Луна у нас большая, она висит над домом, как инопланетный корабль. Я, конечно, мало что знаю про такие корабли. Вот парень, как оказалось, знает. Он рассказывал, пока мы сидели на пороге, — о городах, которые он видел, о том, как бывает на других дорогах. Мы с Джеки слушали его, только рты пораскрывали. Он дал мне затянуться от своей сигареты, а я потом сбегал в погреб, где консервы, и нашел ему банку пива. Сам-то я пива не пью, и Джеки не нравится.

Из-за всех этих рассказов я забыл включить свет во всем доме; теперь он не мог считаться за маяк.

А потом я понял, что поздно выгонять его на ночь.

— Слушай... А может, айда со мной, к каньону?

Я едва не выдал, что мне родители не разрешают путешествовать с незнакомцами. Они ведь наверняка не разрешали. То есть я так думаю.

Потом он стал спрашивать. Откуда электричество. Отчего здесь так жарко. Какой сейчас день и год. Мы лежали в темноте, выключив свет, — я на кровати, он на диване, дымя в потолок. Но тут я вскочил. Потому что от этих вопросов и до других недалеко, а других я не люблю. Темнота вглядывалась в наши лица и слушала шепот.

— Почему ты сюда пришел?

Он совсем не удивился вопросу, хотя должен был бы. Тогда меня в первый раз кольнуло. А может, в тот момент, когда я понял, что ночью он будет под моей крышей.

— Просто так.

Здесь никого не бывает просто так. Поэтому я молчал и ждал, пока он скажет правду. Если сам ее знает.

— Ну ладно. Не просто так. У тебя тут рядом — аномальная зона. То есть... не рядом. А прямо здесь.

— Ничего не замечал аномального. — Джеки мой проснулся, поднял голову и зарычал.

Здесь мой дом. Здесь я под защитой.

— Ты газеты читаешь, парень?

Я подумал про желтый бок фургончика в канаве.

— Нет. Не очень-то.

— В газетах об этом писали. — Он вдруг перешел на шепот, каким рассказывают страшилки. — Здесь, случается, пропадают люди. А бывает, что не пропадают по-настоящему, но... сворачивают сюда, а потом оказываются на неизвестной дороге, там, куда совсем не ехали. И никто не может дознаться, что не так...

Кажется, это и есть страшилка. Можно было успокоиться, выдохнуть — но я не мог почему-то.

— Знаешь, что я думаю? — Он повернулся ко мне. — Я думаю, сюда просто никто не может добраться. Журналисты там, полиция...

А ты, значит, добрался. И куда тебе нужно?

Я попытался взглянуть на него, но как ни вглядывался — видел только свой же отрезок дороги, тележку с лимонадом. Тьфу, ересь какая-то. А потом меня одолел сон.

Утром я проснулся от того, что в доме что-то было не так. Я вспомнил о госте сразу, хотя на первый взгляд ничего не помнилось. Солнце кружевными проходило сквозь занавески, падало на пол. Снаружи трещали кузнечики. Я знал, что уже семь утра; а еще я знал, что работы сегодня не получится. Придется разбираться с гостем.

В кофеварке оказался свежий кофе. Мы с Джеки редко его пьем, но тут уж я налил себе чашку. Гость сидел на крыльце, в солнечной луже, с кофе и сигаретой. Почему-то я почувствовал облегчение; уйди он ночью, я б не знал, чего от него ждать. Я сел рядом; свет перелился мне на колени. Из сада тянуло мятой.

— Знаешь, есть еще история про это место, — сказал парень, прихлебнув из кружки. — Я читал про этот случай в газете. Пе-

чальная катастрофа... Джон и Линдси Браун, их десятилетний сын и собака... Собаку, кстати, звали Снапи. Машина столкнулась с трейлером на выезде с бензоколонки.

Мама, папа, давайте не поедем...

Я сжал кулаки. Здесь мой дом, здесь я сильнее.

— Что интересно — нашли тела родителей, но не сына. — Он глядел на меня как-то странно, будто ждал, что я подскажу ему. — И собака тоже пропала. Их долго искали, но тела как в воду канули.

— Джеки! — крикнул я. — Хватит мяту жрать! Иди ко мне!

— Знаешь, я изучал такие явления. Я думаю, что у сына Браунов были кое-какие... сверхспособности. И ему сильно не хотелось умирать.

Он ждал, что я что-нибудь отвечу. Проявляю интерес. Тут-то и ловушка. Я положил Джеки руку на холку и молчал. Пусть выкладывает, что там у него.

— Я думаю, он каким-то образом заморозил для себя и собаки пространство и время. И так и живет в этой заморозке с момента аварии.

— А как же эта... аномалия?

Ладно, ладно, пусть считает, что я попался.

— Я же говорю — у ребенка были сверхспособности... Он смог как-то выжить в катастрофе. И возможно, сила вышла наружу. Это как радиация — знаешь про радиацию? Взорвалось в одном месте, а заражена вся округа.

Заражена? Да я даже простудой болел, может, два раза в жизни.

Он поставил кружку на ступеньку:

— Ты ведь так и не сказал, как тебя зовут. — И взгляд снова будто из-под очков, только теперь это занудные очки в стальной оправе, какие у врачей бывают.

Я тот, кто отвечает за указатели. Другого имени у меня нет...

— А меня зовут доктор Стив Корриган. Я парапсихолог. Тебя же, я думаю, зовут Бенджамин Браун. Бенджи.

Я вспомнил, что в кладовке есть старый «винчестер», но он, как назло, не заряжен. Джеки мой уже уши наострил, рычит

тихонько и слюну набирает. Но он же инвалид, куда ему... И убраться этот Стив явно не собирался; сидит на моем крыльце, будто навсегда устроился.

— И что, — говорю, — если того ребенка забрать, так аномалия исчезнет?

— Я думаю, что так, — сказал он очень серьезно.

И тут я понял, что ему надо. Он просто хочет снять меня с поста. Я ни словом не обмолвился про указатели — но что-то мне казалось, парень и про них знает.

А кому выгодно, чтоб я перестал смотреть за указателями? А, Джеки? Может, это помощник Того, кто хочет, чтобы у людей не было второго шанса. Может, он сам и есть.

На кухне Стив спросил меня:

— У тебя что, ничего нет, кроме этих хлопьев?

Ткнул в коробку овсянки с нарисованным на боку квакером. Хорошая здоровая еда, то, что нужно растущему организму.

— Даже арахисового масла нет? — В глазах у него была какая-то прозрачная печаль. А потом с места в карьер: — Тебе не бывает здесь одиноко?

И вот он ел мои хлопья (так, будто это была его кухня, будто он здесь родился), а мы с Джеки делали вид, что готовим лимонад, а сами обдумывали ситуацию.

Я вот как решил — он ведь явно пришел оттуда же, откуда сны и откуда фургон. А значит, ничего хорошего не жди. Безработными мы были, вот что. Думали, что дом достаточно защищен. В старых комиксах про вампиров, которые хранятся в подвале (они слежались, и обложки намертво слиплись), написано: нехороший гость не войдет, пока сам не пригласишь...

— Ты ведь небось и в Диснейленд не ездил? — спросил Стив. — На русских горках не катался, нет?

Как настоящий взрослый. Они обещают хорошие вещи. Заманивают. Мороженое, Диснейленд, покататься на машине с мамой и папой. Просто покататься.

И доктор тебе понравится. Это не простой доктор, он особенный. И очень хороший, тебе интересно будет с ним поговорить...

Тут я чуть сифон себе на ногу не уронил. Доктор, точно! И этот — доктор. А я еще думаю — что ж такое знакомое...

— У нас раз «Луна-парк» был, — сказал я, набычившись.

Я закрыл глаза, но вместо русских горок представил себе указатели на перекрестке. Самое разное было написано на них, кое-где — даже не по-нашему. Да и по-нашему, я вам честно скажу — половины названий я вообще не знаю. Я представил их себе, как они взмывают, кружатся в воздухе, будто детские флажки, и я, протянув руку, могу выхватить один и поставить его на перекрестке, и он будет там стоять, пока я не заменю его на другой.

Джексонвиль. Салем. Ханаан. Эльдорадо. Бензоколонка Эда.

На руке у Стива висел плетеный браслет — наверное, что-то индейское, красные с желтым узоры. Прямоугольники, звезды. Индейцы здесь ни разу не проходили. Они сами знают все дороги, может, они и поставили самые первые указатели. Чаттануга, Виннипег, Ацкатл...

Мне все казалось, что я этот браслет уже видел. Но я столько всякого тут перевидал...

Никто не может убрать меня с поста. Никто не может заставить меня делать то, что я сам не захочу.

Я притворился, что клюнул. Как рано или поздно клюют все дети. На обещание дороги, ночевки под открытым небом и чего он там хотел повидать. На то, что нас будет двое.

Джеки, сказал я, вот теперь держись. Потому что указатели имеют власть даже над Тем, кто перекрыл бы все дороги, будь на то Его воля.

Мне даже не понадобится ничего делать. И ждать долго не понадобится: всего лишь пока у него не кончатся сигареты. Тот, кто жил в доме до нас, пил пиво, но не курил.

Правила не меняются, на машине ты или без.

Я делал вид, что собираюсь (будто были у меня вещи — собирать), солнце светило в окна, а Стив сидел и курил. Время от времени я поглядывал на дорогу, но за несколько часов так никто и не проехал — пустой день, бывают у меня такие.

А может быть, Бог услышал меня и не посылал никого, пока он не ушел.

— Здесь слишком пусто, — сказал в конце концов Стив. — Не место для такого пацана, как ты.

Он дымил как паровоз и все придумывал, что мы будем делать, когда уйдем отсюда. К тетке его можно заехать, чуть-чуть с причудой женщина, но блины готовит — обедение.

— Мой брат их всегда любил, — сказал он почему-то. — Может, она нас на зиму оставит, если попросить.

Но ведь у него нет брата.

Я выклянул у него сигарету — просто чтоб извести еще одну, и попросил еще раз рассказать, что было в тех газетах.

— Ты думаешь, этот Бенджи... это из-за него вышла авария? Потому что он так сильно не хотел ехать?

Никто не может заставить меня делать то, что я сам не захочу.

— Знаешь, — проговорил он, зачерпнув себе лимонада, — я много про это читал... с некоторых пор. По мне, так простой несчастный случай. Видно, водитель на жаре задремал...

Ни одной машины. А небо надвинулось низко, погустело, посиреневело; от потемневшего солнца и дом, и рубашка Стива стали желтыми.

— Гроза будет, похоже... — сказал он и полез за очередной сигаретой. И наконец нашупал пустую пачку. — У тебя нигде сигареты не завалялись, Бендж?

Ну и дурацкое имя. А Снапи? Что за имя для собаки?

Я думал: зачем он пришел именно ко мне? Почему из всех мест, где стоят указатели, он выбрал это?

— В доме нет, — сказал я. — Джеки все скурил.

Он засмеялся. Так непривычно — шутить для кого-то, кроме Джеки.

— На бензоколонке должны продаваться...

— Должны, — сказал я. — Там магазинчик...

— Ну, пачка «Лаки» у них найдется... Это куда — прямо?

— Прямо, потом направо, там есть указатель. Тут недалеко.

Джеки прижал уши. Ладно, дружище, мне самому это не нравится.

— Пойду, пока не грянуло. — Он перемахнул через подоконник в сад, из сада — на дорогу и пошел ровно посередине, будто по разделительной линии, которой не было.

Вот тогда я и вспомнил. Видит Бог, только тогда. Потому что — это он сказал в тот раз про разметку, про белую линию. И был он на машине. На старом пикапе. И ехал в никуда.

То есть это он мне сказал. На самом деле в никуда — это по другой дороге.

Он стоял, прислонившись к двери пикапа — чуть не сползал с нее, и тарасил глаза, и по всем признакам был пьяный в стельку.

— Разве можно водить в таком виде? — спросил я тогда.

У него, похоже, начинался сушняк, и он выдул сразу две кружки моего лимонада.

— Главное, — объяснил он, — держаться белой линии. Главное — не сбиваться. Тогда приедешь куда угодно...

У меня на дороге нет разметки. А ему точно дорога лежала на заправку Эда. В таком-то состоянии...

— Может, вызвать кого, сэр, чтоб вас забрали?

Дело было под самую ночь. Старинный телефон в доме только для красоты, но я знал указатель к телефонной будке.

Он покачался на ногах, будто размышляя. Потом сказал:

— Ты х-хороший парень. На брата моего похож. Дай-ка еще попить.

Я дал, конечно, хоть и чувствовал, что про деньги он не вспомнит.

— У вас есть брат?

Он посмотрел так, что я сразу понял: уже нет.

— Надо было держаться белой линии, — объяснил он. — У меня всегда выходило... Я не часто в таком виде вожу, ты не подумай чего, парень, ладно?

Я стал на него смотреть — и ничего хорошего не увидел. Был какой-то бар, поздно вечером, и мальчишка, моего возраста вроде, а потом — машина, смятая с одного боку. Меня чуть не стошнило. Хорошо, он не заметил — вот был бы стыд, я ж на службе...

Я заставил себя посмотреть еще и увидел кладбище, и тут мне точно хватило.

Похоже, лимонад протрезвил его немного. Он поглядел на меня, на звезды, уже блекло высыпающие на небе, и сказал:

— Ну, пора мне.

Меня как толкнуло.

— К брату едете?

Он серьезно, как только пьяные умеют, покачал головой:

— К брату.

Ну говорю же — Эда клиент. Но с этого пути он еще мог свернуть. Я подумал и переставил ему указатель — там будет ровная узкая дорога, ни одной машины, так что он сможет ехать, пока не протрезвеет. А потом поедет по направлению к Огасте (туда я тоже один поставил) и по дороге встретит мальчишку, у которого тоже кто-то умер...

Вот ведь мастер-ломастер. Взял и самому себе сделал петлю. Как будто нам с Джеки тут кто-то был нужен. Но где он ездил столько времени, что я успел забыть? Доктором стал, гляди ты...

До заправки Эда пешком сразу не дойдешь; время у меня было. Я закрыл глаза, дал повертеться указателям. Что бы выбрать? К Большому каньону он хотел. Ну пусть будет каньон. Там тоже найдется кто-нибудь, кому Стив даст затянуться сигаретой и расскажет про межпланетные корабли. Подумаешь, большая печаль... Мне здесь работать надо.

Джеки клацает зубами, ловя муху. Кажется, я достал его своими разговорами.

— Ну хорошо! Ладно! Хорошо!

А потом я нарушил самое главное правило. Я вылетел через окно в сад, перемахнул через изгородь, кубарем спустился по тропинке и побежал по дороге. Асфальт больно бил по пяткам.

...И ведь я даже не знаю, что ему скажу. Я ведь не могу уйти с поста. Просто, может, он бы остался здесь. Сухарей еще надолго хватит, и консервов — на всю жизнь. И зато лето тут всегда.

Я просто скажу ему, что магазинчик Эда закрылся — это ведь святая правда. А может, я возьму да расскажу ему про указатели. Брат же. Брату можно.

За спиной у меня вздулась, плюнула первыми каплями и разразилась — гроза.

Примечание автора

Этот текст — немножко челлендж: я решила поиздеваться над формулой «мальчик с одноногой собачкой» и доказать, что и на такую тему можно написать что-то стоящее (ну хорошо, у собачки не одна нога, а три, но вы же поняли тенденцию). А вообще это, конечно же, трибьют Кингу, Брэдбери, Хопперу и беспечному, жаркому парижскому июлю, когда приходилось сбегать в парк, и прятаться там в тени деревьев с ледяной бутылкой кока-колы и блокнотом, и слушать, как недалеко журчат фонтаны... Хорошее было лето.

Бог любит Францию

Девушке было страшно. Она боялась не ангела. Он был добрый и усталый, с мягким голосом. Больше всего она боялась не понять.

— Я глупая, мессир, — сказала она. — Я не знаю, почему Господь говорил со мной. Не знаю, почему вы говорите. Кто я такая?

Весна напала на Францию без предупреждения. Третьего дня еще лежал повсюду снег и ветер пробирал до самого сердца через одежду, через новую кольчугу. А потом — как ударило, за два дня открылась и зазеленела трава и яркие сорные цветы высыпали на полях, будто оспа.

— Господь тебе доверяет, — сказал ангел. — И ты вовсе не глупа. Глупый не смог бы дойти до короля.

Они сидели на согретом солнцем холме, недалеко от крепостных стен. Вернее, она сидела, а он парил. У стен собиралась армия. Разноцветные штандарты свешивались по жару, как языки усталых собак.

— Его пути неисповедимы. Мы часто сами не понимаем, чего Он хочет. Но ты поймешь. Я обещаю.

Девчонка глядела на него во все глаза. Семнадцатилетний цыпленок, на голове хохолок, уши торчат — здешний цирюльник не привык стричь женщин

— Мы скоро выступаем, — сказала она. Без ангела стало пусто.

Архангел Михаил, как же. Мишель Ланглюа, главный разработчик «Историко», закрыл программу и снял наушники.

— Все, — сказал он тоном, каким адвокат объявляет клиенту, что прошение о помиловании отклонено. — Она не боится. Готова нас выслушать. Звоните... куда там надо.

— Отлично! — возликовал Браун. — Мы это сделали!

Остальные молчали. О'Кейси встал, достал из холодильника бутылку виски и передал по кругу.

— Если б знать, что мир в самом деле станет лучше, — вздохнула Соколова.

— Не станет, — сказал Израиль Циммерман. Ланглау узнал в его голосе собственную горечь.

«Господи, — пульсировало у него в голове, — Господи, что я наделал?»

В боги он не просился, это точно.

Проект «Историко» начался с обучающей программы, которую студент Ланглау готовил для диплома. Измените одно событие и просчитайте поворот в истории. А если бы у матери Гитлера случился выкидыш? А если бы Кеннеди не убили в Далласе? Его старый профессор говорил — да не начинайте вы с Гитлера. Чтобы повернуть назад одно незначительное событие, уже требуется куда больше времени, чем дается на диплом.

Ланглау утробил два компьютера, сидя ночами за подробным алгоритмом. Отсчитываешь от выбранной точки в истории по одному шажку. Ставишь стрелочки, чтобы не потерять ни одного изменения, не промахнуться ни на один вдох-выдох времени. Точка наименьшего влияния — виртуальное вмешательство не заставит прошлое даже еле заметно вильнуть. Точка наибольшего влияния — нажимаешь и меняешь мир. И все это, оказывается, просчитывается. С его, Ланглау, программой. Даже профессор был под впечатлением.

Диплом он защитил с поздравлением комиссии, но проект с души сбросить не получилось. Сидел в кафе недалеко от Шатле со своим эспрессо-шантилли, передвигал на схемах стрелки. Коллеги на конференциях поджимали губы. Если б хоть одним пальцем тронуть прошлое. Но все знают — путешествие во времени невозможно.

Как оказалось, знали не все.

— Запросто! — сказали в Лаборатории. Не перемещение, конечно, виртуальная проекция. Нужно только довести до конца программу — затем они и обратились к Ланглуа. И если изменить ничего нельзя, то можно нашептать нужным людям на ушко. В идеале по крайней мере — на идеал Лаборатория и работа. Снова началось: бессонные ночи, шантилли по клавиатуре и утра, когда он забывал читать «Монд».

Сюда, как в космос, набирали интернационал. И, как в космосе, работало все на американских деньгах. «Историко» ставили теперь на машинах повсюду, но главный компьютер, тот, что обещал путешествие, был только у них.

В конце концов они нашли идеал.

Ланглуа тогда уже над «Историко» не работал. Пытался усовершенствовать проекцию в прошлое. У него получалось, но до поры до времени его это не пугало. Не верилось, что мелькающее на экране — реальная жизнь.

По тому, как голос О'Кейси зазвенел, по тому, как он обернулся от экрана, уже ясно стало — произошло чрезвычайное. То, что называют поворотом — в науке или в чем еще.

Совершенный мир оказался совсем простым.

— Вот, посмотрите, — ирландец тыкал в схему, как полководец в карту. — Здесь ваша точка наибольшего влияния. Отсюда все пошло. Если бы французы не взяли Орлеан, Англия и Бургундия в конце концов одержали бы полную победу...

Рыжий О'Кейси старался. Он родился в Белфасте, его отца убило протестантской бомбой уже после объединения Ирландии.

— Посмотрите, что будет в нашем веке. — Он всех накрутил, они столпились вокруг его поста, будто болельщики в пабе вокруг телевизора. — Соединенное королевство остается, только на территории Франции, видите — границы со Швейцарией и Прусской республикой... Шотландия, Ирландия и Бретань объединяются в Кельтский Союз... по обе стороны континента... Италия почти не тронута... Российское царство... Смотрите. Нет наполеоновских войн... Нет СССР... Нет Гитлера.

— А Америка? С Америкой что? — жадно спросил техасец Джон Браун.

С Америкой все оказалось в порядке; на виртуальной карте О'Кейси сохранилась почти вся территория Соединенных Штатов. Революции не случилось; британской колонии свобода была подарена королем. Корабли продолжали уходить в море, но колонизаторская политика не дошла до масштабных войн и геноцидов.

— Это мечта, — выдохнула Татьяна.

Вот тогда Лангтуа застыл. Он-то знал — это уже не просто мечта.

Может, все и спустилось бы на тормозах, если бы не Браун. Он был директором Лаборатории и американцем, за плечами — почти столетие комиксов, в которых его соотечественники наводили порядок в прошлом, настоящем и будущем.

— Господа, — провозгласил он, — мы переживаем исторический момент!

«Путь О'Кейси» долго проверяли — на машинах в Токио, Гарварде и Тель-Авиве. Пересчитывали. И получали один и тот же результат, с допущениями. Если бы тем майским утром Жанна не повела свои войска на Орлеан, мир жил бы спокойно. Нашли схватку между Германией и Англией в девятнадцатом веке за одну из северных провинций, но количеству жертв далеко было до любой из мировых.

Если перед человеком открыть дверь, он в нее войдет. Что бы за ней ни было. Это рефлекс. Лангтуа не удивился, когда сверху серьезно сказали — продолжайте. Дан наконец шанс исправить прошлое, чего еще просить. Вот Циммерман его поразил — хлопнул на стол пропуск, мол, дальше — без меня.

— Стены Плача не будет, — увещевал Браун. — Даже с Палестиной вам страну делить не придется — поглядите на карту!

— Всю жизнь миру мешал один народ, — сказал Израиль. — Шо люди думали? Думали, убрать этот народ, и все станет замечательно. Теперь им одна страна мешает.

Он все же остался.

Официально Лаборатория считалась секретной. Неофициально — после мало-мальски значительного шажка Соколова на

бирала код России, а Брауну и набирать нужды не было. О проекте прознал мир. И зашевелился.

Это не могло пройти так далеко. Ланглуа не верил. Даже когда на чрезвычайный совет собирались все лидеры планеты и когда разом отошавший и посевший президент Республики обращался к народу с тем, что он, мол, не имеет права противиться... Что если народ желает лучшего мира, то он его заслуживает.

По телевизору шла реклама. Молодежь всех цветов и размеров, и одна фраза на всех языках: «Я хочу лучший мир!» Потом другая: показывали братские могилы под Верденом, печи Освенцима, Хиросиму, горящие башни-близнецы. «Я хочу, чтобы этого не было», — повторял голос за экраном. И конец ролика — статуя Жанны на коне, перечеркнутая крест-накрест.

— С каким же энтузиазмом можно пропагандировать конец света! — качал головой Ланглуа.

Рядом вздыхал Циммерман:

— Это ж как же люди устали от этого мира...

Но он все равно не верил, до того как их позвали в Ватикан. Он думал — папа этого не допустит.

— Вы же не хотите сказать, ваше святейшество, что она не слышала голосов? — Он едва не кричал. — Официально — ей было явление! Что же вы, Его волю станете оспаривать?

В конце концов Ланглуа из Ватикана выставили.

Но он не верил. До самого всемирного референдума. До того, как объявили результаты и как с красных телефонов начали звонить прямо в лабораторию.

— Да что же это, Господи! — Он стоял посреди бюро с газетой в руке и орал, не выдержав: — Что же они, ни черта не понимают?!

— До вас шо, только сейчас дошло? — удивился Циммерман. — Шо ж вы не спросили раньше у старого еврея? Если б вы меня спросили, я б вам сказал: ничего они никогда не понимали.

* * *

В день, когда мир собирались менять, Ланглюа пришел в Лабораторию на рассвете. Через черный ход — у парадного караула ранняя толпа. С пластиковой бомбой на поясе. Пятилетний мальчишка в Ираке сделал бы лучше. Но на машину хватит. Компьютер от взламывания защищен был сотней паролей. Даже от разработчиков защищен. Но — как в том старом анекдоте — бесконечно надежной техники не существует. Доказано тротилом.

Охранники-янки не хотели его впускать, и он разворачивал перед ними длинное оправдание, молясь, чтобы Бог их пожалел, потому что он бы уже не остановился. Бог пожалел. В электронного консержа он вставил Танечкину карточку.

— Добро пожаловать, профессор Соколова, — сказал автомат.

— Спасибо, — пропищал Ланглюа. С самого начала все это было комедией. И доктор гуманитарных наук, пробирающийся к собственной машине в поясе шахида, — тоже комедия.

— Жеанна?

— Да, мессир. — Маленькие исцарапанные пальцы обрывают маргаритку: любит — чуть-чуть — сильно — без памяти... Бесполезное занятие. Ее сожгут раньше, чем кто-нибудь успеет полюбить.

Он выложил ей все, о чем они собирались рассказать.

— Господь не всегда посвящает нас в Свои планы. В этот раз мы не знаем, чего Он на самом деле хочет. Ты помнишь, что Он тебе говорил?

Пальцы нервно стискивают стебелек:

— Да, мессир.

— Ты понимаешь — если спасешь Францию, погибнет много людей, будут другие войны...

Она кивает.

— Мы не можем думать за Него. Ты одна должна решать. Он к тебе обратился.

Она снова кивает.

— Прислушайся к себе... К Его голосу. И когда решишь по-настоящему — не слушай больше никого. Даже если голоса назовутся ангелами. Потому что — слушай меня внимательно, девочка, — потому, что все они будут от лукавого.

— Я уже решила, — говорит она еле слышно. — Простите, мессир, но мне кажется, что я знаю...

— И что же ты знаешь?

— Бог любит Францию. — Жеанна поворачивается к нему, из глаз льется свет, затопливая все вокруг, смывая любые сомнения. «Они еще не знали, объявлять ли ее святой, — думает Ланглау, — чего же тут не знать? Такой светящийся взгляд она обратила на короля — и он дал ей армию. Так она смотрела на солдат — и солдаты шли за ней».

Теперь она смотрит на Ланглау.

— Тебя будут жечь на костре, — говорит он. Девушка ежится, но ее глаза уже глядят вверх пламени.

— Ну... Это же не очень долго. Господь не даст, чтобы это было очень долго. А потом сразу на небо.

Ланглау повертел головой, стряхивая прошлое. Настоящее оставалось прежним. Охранники, скорее всего, заподозрили неладное. В коридоре уже раздавались шаги, и грохот, и через дверь было слышно, что они вооружены.

— Мишель Ланглау! Вы арестованы по обвинению в государственной измене!

Серьезные голоса. ДСТ, а то и ЦРУ. «И во что мы с тобой вляпались, дружище?» — поглядел он на компьютер. Провел рукой по клавиатуре. Теплая. Ничего. Это не очень долго. А потом — сразу на небо.

— Отойдите! — прокричал он в коридор. — Здесь сейчас рванет!

Ему жалко было машину. «Лучше бы ты подумал о миллионах евреев. Лучше бы ты подумал о Хиросиме».

— Не делайте глупостей, Ланглау! — из-за двери. — Ради всего святого, почему?

Он расстегнул куртку, рука потянулась к поясу. Не ошибиться бы. Через секунду мир вокруг превратится в костер.
— Говорят вам — Бог любит Францию!

Примечание автора

У любого уважающего себя писателя должен быть рассказ про Жанну д'Арк. Вот и у меня есть. В моем воображении текст был очень длинным и всеобъемлющим, но писался он на конкурс фантастических рассказов «Блэк-Джек», и почти половину для соответствия условиям пришлось обрезать. Обрезанное, как у меня обычно бывает, не сохранилось. Судя по тому, что людям рассказ нравится, укорочение пошло ему только на пользу, а мне вот он до сих пор кажется недоделанным... Впрочем, судить, наверно, все равно уже не мне, а читателю.

Содержание

Исповедь невозвращенца (предисловие Н. Караева)	3
--	----------

Ностальгия межпланетного лингвиста (повесть в рассказах)	5
---	----------

Никогда не разговаривай с неизвестными планетами	6
Классики в тумане	23
В последний час, в последний пляс	34
Во имя Гагарина	43
Тихая ночь, святая ночь	63
...is ainm dom	81

Здесь и сейчас	93
-----------------------	-----------

Держитесь подальше от...	94
Я иду искать	126
Город Е.	134
Клиника доктора Х.	155
Журавлики	175
Летная погода	189
Тот, кто смотрит за указателями	203

Где-то там, когда-нибудь	221
---------------------------------	------------

Долгая ночь	222
Был я устал и одинок	234
Бог любит Францию	242
Перспектива	250
Сады вдохновения	257
В ожидании Фортинбраса	265
Наша кровь	281

Где и как купить бумажные книги?
Где и как купить электронные книги?
Как они выглядят?

Все о книгах издательства «Фантаверсум»:

<http://www.fantaversum.ru>

ООО «Фантаверсум»
141410, Московская обл., г.Химки, ул.Молодежная, д.70
www.fantaversum.ru
post@fantaversum.ru

Хороший рассказчик в фантастике всегда на вес золота. Это не тот, кто азартно «рвет грелки» на сетевых конкурсах, не тот, кто вяло пописывает рассказы в промежутках между пухлыми романами, и даже не тот, кто сочинил два-три общепризнанных шедевра «малой формы». Хороший рассказчик много пишет, но не опускает планку. Он не подстраивается под читателей, но и не обманывает их ожидания. Ина Голдин, профессиональный лингвист и практикующий переводчик, — хороший рассказчик. Ее фантазия не скована рамками жанровых клише, стиль пластичен, эрудиция широка.

Несмотря на то что в 2007 году Ина эмигрировала во Францию, «в Париж по делу срочно», ее язык еще не успел омертветь, зачерстветь, как позабытый на кухонном столе багет. В нашем «фантастическом гетто» таких сегодня немного — их, впрочем, было немного всегда и во всех странах. То, что эта книга — первый авторский сборник Ины Голдин, можно объяснить только поисками гомеостатического мироздания. Ну что ж, теперь историческая справедливость восстановлена. Теперь дело за читателями — и за самим автором, разумеется.

*Василий Владимировский,
критик*

Талейдоскоп — это устройство, разновидность калейдоскопа, в котором меняющийся узор строится из отраженных зеркалами фрагментов видимого мира. Так же и в нашей одноименной серии: каждый рассказ слагает новый рисунок реальности, преломленной сквозь линзу мировосприятия автора и причудливо отраженной гранями фантастического вымысла.

